

Леонов: Я вчера смотрел по телевизору «Обыкновенный фашизм» Ромма. Он сделан был к 20-летию Победы. Потрясающий фильм. А потом показали фильм, так сказать, с другой стороны: история нашей страны в этом же плане. Так вот – жутко, что было. И я пришел к выводу – страна, которой управляет идеология, я имею ввиду не идеология, скажем, экономической целесообразности, а когда просто считается, что вот так надо делать и все кто не согласен с этим подлежат репрессиям или уничтожению, обречена. А такая идеология, как нацизм, как сталинизм, вообще не имеет права на существование.

Гитлер-то еще младенец был по сравнению с нашим. Сколько у нас всего было уничтожено. Уничтожали-то ведь самых лучших людей. Борис Викторович как раз относится к этой категории. Он-то еще нашел умное решение и как неординарная личность избежал самого страшного. И все это время висело: «За что? За что?» Ну ладно, там немцев Поволжья – они даже аэродром готовили. Я знаю всю эту историю. С ними был контакт германской разведки, а когда на аэродром сели подменные люди из МВД, тех, кто их встречал, всех забрали. И это было сигналом, чтобы всех немцев оттуда переселить. Может быть, это и было правильно. Потому что когда немцы подошли к Москве, тут уж не до интернационализма, не до любви. Тем более факт такой был – аэродром.

Я года четыре назад садился недалеко от Барнаула. Немецкое хозяйство, люди, которые с Поволжья были переселены. Крепкое хозяйство. Свой пивзавод. Пиво делали уже не какое-нибудь там, а настоящее. Своя крупорушка, своя мельница, свой цех по производству подсолнечного масла. Это не колхоз, а что-то типа еврейских кибуцев, которые производят, перерабатывают и уже в виде готового продукта продают.

Председатель этого хозяйства был самым старшим подростком, когда их в 41-м году привезли туда. Мужчины были все забраны для работы на строительстве предприятий Урала, а этих – женщин, стариков и детей – на телегах вывезли в степь и бросили! Вот он был самый старший – 14-летний мальчишка. Выгрузили их там в июле, осталось два-три месяца да начала зима. Ничего нет: ни топора, ни молотка, ни пилы, ни лопаты – ни-че-го. Как они обходились – трудно сказать. Чем они питались?! В первую зиму вошли в землянках. Я даже не представляю, как они выжили – ничего не посеяли, ничего не собрали.

Расплатились полностью – все старики, дети поумирали.

То есть все вроде гуманно. Их вывезли из опасной зоны, а дальше: умрут – мы не виноваты.

Выжили. Выжили за счет своей энергии. Руками рыли землянки. Перезимовали. Весной на себе пахали. Посеяли – вырастили, посеяли – вырастили – продали. Потом еще, еще и создали крупнейшее хозяйство. Мясо, молоко, хлеб – лесостепная зона.

Так вот об этой категории. Не виноваты они. Они люди и никто не имеет права без суда, фактически, высылать на каторгу. Это страшная вещь, которая не досталась нам в наследство от царской России – это полностью порождение нового строя. Всю жизнь говорили: «Мы самые человеколюбивые! Мы любим людей, детей.» Правильно говорят: «Ленин любил детей, но недолюбливал их родителей».

Когда я у них был, мне было страшно стыдно за свой народ, за свое государство, что вот так поступали с людьми... А со своим народом? Девять миллионов репрессировано лучших (!) крестьян. Так называемые «кулаки», хотя в Сибири – это не кулак, а середняк. Например, в Смоленской области, если у него две лошади, две коровы – это кулак, а в Сибири – он даже на середняка не тянет. Вот такой был везде подход. В результате полностью лишили себя продовольствия, а затем уже пошла спекуляция – спекуляция природными ресурсами, спекуляция мозгами. Воспитание армии. Так мы создали Германскую армию: бронетанковые войска, горные и люфтваффе. Геринг учился у нас в Липецке, а Гудериан – в Казани. Больше того, наши конструктора помогли создать самые мощные танки – у них ничего оборонного не было. Вот такая история. И в эту историю, ее жернова, попали честные, приличные люди. Честные по природе, труженики. Они в этом – не виноваты.

И народ-то наш это понимает. Сколько к ним приходили, на поселении этом – и хлеб им давали, и инструмент... Доброта народная. Вспоминали – было разное... А потом, когда встали на ноги, без конца приходили и отбирали. Это уже высший эшелон власти, райком – отсюда взять, туда перебросить.

В 1998 году я был у Бориса Викторовича и вел передачу «Вокруг Кремля». Это передача Караулова, но Караулов понимая Раушенбаха и зная его отношение ко мне, говорит: «Я не получу такие ответы, какие хотелось бы получить». Мы обсудили перечень предполагаемых вопросов и я провел эту передачу.

Бернгардт: Вере Михайловне очень понравилась Ваша передача.

Леонов: 60-й год, началась программа подготовки космонавтов первого отряда. Мы к тому времени уже понимали, что системы управления самолета и системы управления корабля, это абсолютно разные вещи. И он нам читал лекции по готовой системе управления корабля «Восток». Она, по сути дела, и дальше такая же на всех космических кораблях – управление вокруг центра масс и управление центром масс. Простая схема, поэтому и гениальна. От космонавта требуется сориентировать корабль. Надо предварительно раскрутить гироскопы и в заданное время поставить его на гироскопы. А гироскопы сохраняют ось свою в пространстве независимо от того, где они находятся. Вот он эти гироскопы взял за основу и таким образом была очень быстро разработана система управления «Востоком», потом «Восходом» и «Союзом».

Я помню, когда случались аварии, а это часто бывало, первый, кто вызывался Сергеем Павловичем Королевым, был Борис Викторович Раушенбах. Я уверен, что если бы в 1961 году кто-нибудь докопался до этой статьи, о которой Вы говорили (по Указу от 1948 года Б.В. Раушенбаху полагалось 20-лет каторги за фактический побег из спецпоселения – Э.Б.), никто бы его уже не трогал, поезд уже ушел.

Бернгардт: Она действовала до 1955 года.

Леонов: Сейчас из группы Королева остались только Черток Борис Евсеевич и Северин Гай Ильич, последний помоложе, он попозже пришел.

Борис Викторович был удивительно независим от больших авторитетов. Он мог очень смело войти в полемику с Сергеем Павловичем Королевым и доказать, что это – не так! Или наоборот утвердить себя с новой какой-то идеей по управлению и он блестяще этого добивался. Вот смотрите, сколько лет работает эта система управления. И «Востоки», «Восходы», «Союзы», и «Салюты» – орбитальные станции, лунные корабли, станция «Мир». И сейчас последняя станция (МКС, Международная космическая станция – Э.Б.) – она несет полностью идеологию, не люблю это слово, идею заложенную в систему управления. Она, конечно, постоянно «обрастает», но самое главное – это управление вокруг центра масс и центром масс, это использование для ориентации и солнца, и звезд, и земли в зависимости от того, какие задачи мы решаем. Все это ориентируется, потом переключается на гироскоп и объект уже управляется автоматом выдерживающим свои главные оси в пространстве.

Я помню, в 63-м году, когда разрабатывалась система корабля «Восхода», он приезжал на космодром, что бы не терять время, и занимался там с нами дополнительно. Не давал нам серьезнейшую математику, а на языке простой математики, хотя небесная механика там очень сложная, очень доходчиво объяснял все это на уровне дифференцирования. Я до сих пор вижу его голубые глаза улыбающиеся постоянно. Когда он говорил с человеком, у него на лице была не сдерживаемая улыбка. А уж если ему нравился человек, то тут уж вообще расплывался в улыбке. Он в восторге был от Юрия Гагарина. У него было к нему такое отцовское отношение, у Бориса Викторовича Раушенбаха.

Очень обаятельный, мягкий, удивительно разумный, милый человек. С ним сидеть и говорить – это просто было одно удовольствие. Он глубоко понимал все: он глубоко понимал жизнь, он глубоко понимал технику, и был на острие всего. И потом – такой теоретик искусства! Он знал прекрасно музыку, живопись и особенно – иконопись. Он исследовал и понял, что построение иконы связано с особой геометрией, связано с Православием. Там, на иконе, ничего случайного нет, все подчинено одному: воздействию зрительного образа на человека. Попробуйте сделать икону по-другому, она – не получится. Вот только так, как она написана. Казалось бы сейчас можно просто взять обычный портрет угодника, канонизированного человека, но не придать ему элементов иконописи – иконы не будет.

Совершенно блестящая семья. Вера Михайловна. Я думаю, то что вот он вошел в искусство и создал целую теорию иконописи – это целиком заслуга Веры Михайловны. Она его привлекла к этим общечеловеческим ценностям. Действительно, почему все эти картины такие (обводит рукой кабинет, на стенах которого висят картины написанные хозяином кабинета), а на тему христианства они, иконы, совсем по-другому строятся, хотя в это время уже была гражданская живопись. У нас гражданская живопись была до Чингисхана. Взять, например, росписи Софийского Собора в Киеве. Там совсем другие иконы. Потом пошли византийские иконы – начали мы брать изображения святых у византийцев. А уже после татаро-монгольского ига впервые подошел к гражданскому облику Андрей Рублев. Но все равно и у Рублева есть элементы древней иконописи. Борис Викторович очень хорошо все это описал.

Я с ним много говорил об искусстве, о наших художниках, говорил о Пикассо, говорил о Кандинском. У него свой взгляд на авангард. Он говорил, что все это пройдет, но каждый имеет право быть признанным. Кому что нравится. Мне нравятся в авангарде световые пятна. Но есть,

например, «Гитара» Кандинского. Он построил ее чисто геометрически, а потом уже на базе этого стал другим заниматься, но это положило начало авангарда. Борис Викторович все это очень хорошо знал. Я, например, не люблю авангард, а он мне все как-то очень смягчал и сказал: «Ничего страшного, там тоже есть очень много интересного.»

Когда бы какая-то авария не случалась, там были два кита – Борис Викторович Раушенбах и Борис Евсеевич Черток. Раушенбах – теория и практика, а Черток Борис Евсеевич – это гигантский, удивительный практик. Он мог каждому научному явлению сделать свое приложение. Разумный человек. И у них в общем-то судьба одинаковая у Бориса Викторовича и Бориса Евсеевича. Они очень дружили и понимали друг друга. Ни одной аварии и большой комиссии без них не обходилось, и когда начиналось совещание:

– Раушенбах здесь?! – это Сергей Павлович Королев.

– Здесь!

– Хорошо, начнем.

Уважительно относился. И Борис Викторович и Борис Евсеевич никогда не требовали к себе каких-то привилегий. Например, на космодроме у них не было закрепленных машин и они всегда добирались с одного цеха в другой на чем попало и Сергей Павлович сколько раз воспитывал местную комендатуру кого и как надо обеспечивать. И обязательно:

– Раушенбах здесь?

– Здесь.

– Ну, пошли, пошли.

Я помню, когда у нас случилась авария на «Восходе-2» первым с кем мы встретились был Борис Викторович. Рассказали как себя вел корабль, почему мы выключили систему управления. Потом он же и объяснил в чем было дело.

Перед нашим полетом был запущен аналог нашего корабля в беспилотном варианте с целью испытания всех систем, связанных с обеспечением выхода человека в открытый космос. Из-за ошибки управленцев корабль был подорван на орбите. Так мы лишились очень нужной информации. В общем, «полезли в воду не зная брода». Но это жизнь заставила, надо было. Вопросов по системам управления у нас не было абсолютно, мы были готовы. И то, что мы вернулись на землю, говорит о том, что мы очень четко уяснили науку Бориса Викторовича Раушенбаха.

Бернгардт: Ручное ориентирование?

Леонов: Да. Это было первая ориентация, первый спуск вручную. Можно сколько угодно говорить, рассуждать, а пока не попробуешь... Так получилось, что мы оправдали себя и в глазах Бориса Викторовича стали авторитетами: была такая тяжелая авария и мы справились с заданием.

Бернгардт: Наверное, психологически это было...

Леонов: Конечно! Вот так (показывает на висящую на стене картину), это моя работа, вот так выглядела Земля. Я запомнил эту кривизну земного шара. Да...

Он:

– Как вел себя корабль? Вы включили систему автоматической ориентации, как он себя вел?

Я говорю – вот так.

– Через сколько минут?

Вот так, потом так, потом осталось у нас 5 минут до включения двигателя, а перед этим надо было поставить его на гироскопы, а он вращался. Вроде бы две оси есть, а третьей нет.

Он говорит: «Так оно и было, так оно и было».

За три минуты мы выключили систему управления и запросили разрешение на ручную ориентацию и спуск. В чем дело? При отстреле шлюзовой камеры порохowymi газами был засорен солнечный датчик ориентации. Землю корабль «захватил», а Солнце – нет. Поэтому команды не было никакой. По разрешению Земли мы воспользовались ручным спуском. И справились с этим.

Очень много было сделано им при разработке системы управления лунного корабля. Там другой принцип, но все равно, тоже самое – ориентация в пространстве. Выполнение четырех коррекций. Все четыре коррекции выполнялись по одной и той же схеме. Понять где корабль, куда его надо направить, включить гироскопы, а если эта схема отказывает, то надо уметь «держат» корабль другим способом. Сориентировав корабль по звездам с помощью астроориентатора и секстанта, я подключаю гироскопы. В случае отказа гироскопической группы я вручную должен держать корабль в ориентированном положении в течении работы маршевого двигателя. И это тоже было им разработано.

Помню, когда случилась одна авария, то было абсолютно понятно, что отказал звездный датчик. Один вектор должен был направлен на Землю, другой – на какую-то звезду. Этого не получилось и с Земли под его руководством выполняли коррекцию двигателем вручную используя двигатель ориентации.

Живой был человек, абсолютно. Разбирающийся в любой ситуации и принимающий единственно правильные решения. Не было, чтобы он как-то ошибся. И всегда с такой уверенностью говорит. Это вот так, поэтому вот т-а-а-к мы сделаем. Мне очень жаль, что... похороны были, а меня здесь не было. Я как раз улетал, а в этот день были похороны, как я потом узнал. У нас же знаете, система, когда человек работающий – он везде, а когда человек ушел – уже ты не знаешь кто он и где. Вот так и получилось с ним. Центрального оповещения как такового не было и...

Бернгардт: Можно считать Ваш монолог выступлением на панихиде...

Леонов: Очень милый был человек, очень милый... Редко когда можно такое сказать о людях его уровня. С ним было очень легко общаться. Бывало мы с ним разговариваем, а я улыбаюсь.

- Ты что улыбаешься?
- Очень хорошо с Вами.
- Ну спасибо, Алеша.